

Эскиз читателя

Код Паустовского

Легкий летний ветер проплывает акварельные страницы ранних романов Паустовского – будто длится прогулка по прибрежному бульвару, и ягоды винограда, чай сочный грейпфрут только что куплена на рынке, каплими счастья ложатся в рот.

Ощущение бесконечного счастья – и открытости жизни: чего бы она ни сути.

Невозможно представить Константина Паустовского жалующимся или плачущим.

«Романтики», «Блистая облака»... Мужественная припомяность, соловьиная песня юности – нищей, пронизанной чувством, осиянной путешествиями: мир разрастается, словно конструкция архитектора, чьи возможности безграничны.

Жизнь Паустовского, родившегося 130 лет назад, едва ли можно назвать легкой, но он сохранил этот светлый, приподнятый настрой на всю жизнь, не отдавая его возрасту, распоряжаясь годами сверхразумно.

Опыт?

Да, но он не должен позволять душе тускнеть.

Его рассказы в большинстве своем пронизаны славным морозом мысли и отличаются архитектурной точностью фраз.

«Ручьи, где плецется форель» прозрачны солнечной водой; казалось, Паустовский получил от неизвестного демиурга камертон звука, и ягоды винограда, чай сочный грейпфрут только что куплена на рынке, каплими счастья ложатся в рот.

Многообразно ветвящееся наследие входило в драматургию, перекликало очерком, раскатывалось монументальным «Повествованием о жизни»...

Но даже в монументальности этой была славная легкость; точно все ароматы жизни собирались, катализировались постепенно, и, слоясь и перемешиваясь с бесконечным разнообразием ситуаций, предметов, лиц, лучились со страниц такой спокойной энергии смысла, что читение превращалось в захватывающее путешествие.

Путешествие – вообще – своеобразный код Паустовского: как живописует он Созополи! Как пишет об Англии!

Чувство меры не подводило никогда; красок всегда находилось столько, сколько надоено для определенной картины, и оттенки, играющие не мене роль, нежными орнаментами передавали сложные моменты яви.

Много узнал о ней Паустовский. Много поведал читателям.

Александр БАЛТИН

Точка на карте России

Шура Брыкина – единственный в России почтальон на веселой лодке. Ее участок – остров Юршинский в Рыбинском море и несколько десятков его жителей. Для большинства из них цивилизация – это Шура.

Почтовое отделение Судоверф. Деньги счастья не приносят

По телефону Шура отказывается брать меня с собой разносить почту: говорит, прошли дожди, грязь по колено, холодно и велосипеда у нее для меня нет. Но потом смягчается – при условии, что не буду лезть в душу и спрашивать про зарплату: «Мне хватает, за вредность корова молоко дает».

Я еду в Ярославль, затем в Рыбинск, оттуда в поселок Судоверф, на почту, где работает Шура. Несмотря на раннее утро, Шура уже там, собранная и деятельная. Укладывает в почтовую сумку пять банковских карт, макароны, конфеты, чай. В отдельный карман прячет пенсионные деньги и лотерейные билеты. Шура хватает с полки свою удостоверение. Для безопасности почтальонам еще выдают персональные баллончики, систики, фонарики, шумовые отпугиватели. А Шура еще и спасательный жилет.

До причала около километра. Обвешанная сумками Шура идет быстро и легко. Стараюсь не отставать, хотя тащить объемную посылку неудобно. Спрашиваю, кто помогает тянуть сумки, когда заказов больше. Шура многонационально улыбается.

«У нас инструкция, больше восьми килограммов носить я не должна и перевозить в лодке тоже никого не имею права, но бывает, что очень надо доставить большой заказ или багаж в гонорол отвезти. Как отказать? Лодка может влезть в внерабочее время. Или муж прошум, когда сама уже не в силах».

На берегу Шура вычерпывает из лодки обрезанной пластиковой бутылкой воду. Под скамейкой спрятан сунок – на всякий случай. Весла бы тоже спрятала: здесь, на чужой стороне, их уже видят.

«Ветер сегодня маленечко попутный, дует вправо быстрее. Тута всем один километр до причала, там на веселопеде или лыжах, если зимой. Лыжи у меня охотничьи, хорошие. Бывает, отворишь дверь почути – а снегу нахвалило по пологу, и никто еще путь не проложил, тогда сама дорожку сделаешь. И бежишь по белому, нетропу, как в разо».

Тридцать три гола назад Шура «вышла замуж на Юршинский». Расписались они с мужем Николаем по осени, но потом тогда стояли морозные, поэтому запомнился день перехода на остров Шуре хорошо. Как шла они из Судоверф пешком по первому льду. Подо льдом стояла черная вода, и каждый шаг отдавался в голове Шуры хрустом. Страшно было невероятно, что пройдет и бежит назад, к Большой земле, к людям. Коля догонит, схватит в охапку и обратно ведет на остров – так километр по льду и перешли. А как ступила Шура на юршинскую землю, стала как приговоренная. Поначалу еще в сторону Большой земли смотрела, а потом уже все. Не было тяги...

Почтальон из лодки на острове «вышла замуж на Юршинский». Расписались они с мужем Николаем по осени, но потом тогда стояли морозные, поэтому запомнился день перехода на остров Шуре хорошо. Как шла они из Судоверф пешком по первому льду. Подо льдом стояла черная вода, и каждый шаг отдавался в голове Шуры хрустом. Страшно было невероятно, что пройдет и бежит назад, к Большой земле, к людям. Коля догонит, схватит в охапку и обратно ведет на остров – так километр по льду и перешли. А как ступила Шура на юршинскую землю, стала как приговоренная. Поначалу еще в сторону Большой земли смотрела, а потом уже все. Не было тяги...

История Юршинского переплела с историей Мологи – древнего и очень красивого города, который затопили при строительстве Рыбинского водохранилища в 1941 году.

Мы плывем и плывем, Шура рассказывает, что в детстве мечтала быть трактористкой – нравились ей большие машины на полях. Но мама на «женскую» работу не пустила, пришла окончить кулинарный техникум, хотя готовила Шура так и не побила. После замужества поработала телевизионщицей в лодке, а когда родился сын, устроилась на почту.

«Начала я в 1992 году. Тогда в каждом доме еще что-то записывали: «Огонек», «Работница», «Крестьянка», детские журналы, газеты всякие. Я иду – громадная сумка на плече и по пакету в руке. Думаю: как я это все буду таскать? Но двор ото двора сумка худеет, люди своим бедами и радостями делятся, туда зашла, сюда зашла, день пролетел, как на почте.

«Начала я в 1992 году. Тогда в каждом доме еще что-то записывали: «Огонек», «Работница», «Крестьянка», детские журналы, газеты всякие. Я иду – громадная сумка на плече и по пакету в руке. Думаю: как я это все буду таскать? Но двор ото двора сумка худеет, люди своим бедами и радостями делятся, туда зашла, сюда зашла, день пролетел, как на почте.

Причалили. Шура затягивает на берег лодку – на носу klejmo с датой выпуска: 1982 год. Спрашиваю, сколько стоит такая сумка. Шура говорит, что не знает: это подарок мужа. До того у нее было еще три лодки. Как-то купил и поставил на мотор деревянную.

«Запах бензина я не переношу, не люблю, когда вещи и газеты им воняют. Для здоровья веселая лодка полезнее. Я же раньше, когда только сюда переехала, болела ангина. А как побегала на лыжах пару лет, как погреялась, и встала, и в жару, даже не вспомню, когда и болела в последний раз. Позже. Бабульки мои зажалились, пошли.

Дорога – сплошное месиво. Шура легко пересекается с кочками на кочку. У крайнего дома подхватывается оставленный тут с утром веселопед.

В хулих трахе замечает музыкальный диск с надписью: «Рэп-лирика». Шура объясняет, что раз тут никто не слушает – диски вешают на плодовые деревья, чтобы отпугнуть наглых ворон. В некоторых садах можно найти целые музыкальные коллекции.

Остановившись у первого дома – сюда мы должны доставить посылку. В окне в обрамлении деревянной резьбы стоит малыш в подгузнике. Из другого окна выглядывает девочка постарше. Шура зовет хозяев. Попадает тяжелая дверь – и во двор выпрыгивает невысокая хрупкая женщина. Это Лена Кузнецова, у нее четверо детей – старшей 16 лет, младшему чуть больше года. Пока вода стоит, отец везет старших детей в школу на лодке. Когда придет непогода, младшие Кузнецовых оседут

на крыльце, чтобы не промокнуть в тяжелых погодных условиях.

Шура принесла пенсию, и, пока она разбирается с квитанциями, тетя Лиса жалуется, что звонили какие-то люди, просили перевести деньги за услуги по почте.

«Не вздумай ничего никуда слать! – Шура грозит пальцем. – Это мошенники. Если что такое предлагают, звони мне и спрашивай или жди, пока я приду. Разберемся». Перед уходом Шура проворачивает, вынесено ли у бабы Лиси помойки.

Следующий дом нас не встречают. Шура достает из-под лавки чеки и пакеты. Откуда-то из глубин избы слышится ответный сигнал: «Заходи уже!» – кричит тетя Лиса Рыбинская. Она инвалид второй группы, младшая Кузнецова оседает

на крыльце, чтобы не промокнуть в тяжелых погодных условиях.

Шура принесла пенсию, и, пока она

разбирается с квитанциями, тетя Лиса жалуется, что звонили какие-то люди, просили перевести деньги за услуги по почте.

«Не вздумай ничего никуда слать! – Шура грозит пальцем. – Это мошенники. Если что такое предлагают, звони мне и спрашивай или жди, пока я приду. Разберемся». Перед уходом Шура проворачивает, вынесено ли у бабы Лиси помойки.

Следующий дом нас не встречают.

Шура принесла пенсию, и, пока она

разбирается с квитанциями, тетя Лиса жалуется, что звонили какие-то люди, просили перевести деньги за услуги по почте.

«Не вздумай ничего никуда слать! – Шура грозит пальцем. – Это мошенники. Если что такое предлагают, звони мне и спрашивай или жди, пока я приду. Разберемся». Перед уходом Шура проворачивает, вынесено ли у бабы Лиси помойки.

Следующий дом нас не встречают.

Шура принесла пенсию, и, пока она

разбирается с квитанциями, тетя Лиса жалуется, что звонили какие-то люди, просили перевести деньги за услуги по почте.

«Не вздумай ничего никуда слать! – Шура грозит пальцем. – Это мошенники. Если что такое предлагают, звони мне и спрашивай или жди, пока я приду. Разберемся». Перед уходом Шура проворачивает, вынесено ли у бабы Лиси помойки.

Следующий дом нас не встречают.

Шура принесла пенсию, и, пока она

разбирается с квитанциями, тетя Лиса жалуется, что звонили какие-то люди, просили перевести деньги за услуги по почте.

«Не вздумай ничего никуда слать! – Шура грозит пальцем. – Это мошенники. Если что такое предлагают, звони мне и спрашивай или жди, пока я приду. Разберемся». Перед уходом Шура проворачивает, вынесено ли у бабы Лиси помойки.

Следующий дом нас не встречают.

Шура принесла пенсию, и, пока она

разбирается с квитанциями, тетя Лиса жалуется, что звонили какие-то люди, просили перевести деньги за услуги по почте.

«Не вздумай ничего никуда слать! – Шура грозит пальцем. – Это мошенники. Если что такое предлагают, звони мне и спрашивай или жди, пока я приду. Разберемся». Перед уходом Шура проворачивает, вынесено ли у бабы Лиси помойки.

Следующий дом нас не встречают.

Шура принесла пенсию, и, пока она

разбирается с квитанциями, тетя Лиса жалуется, что звонили какие-то люди, просили перевести деньги за услуги по почте.

«Не вздумай ничего никуда слать! – Шура грозит пальцем. – Это мошенники. Если что такое предлагают, звони мне и спрашивай или жди, пока я приду. Разберемся». Перед уходом Шура проворачивает, вынесено ли у бабы Лиси помойки.

Следующий дом нас не встречают.

Шура принесла пенсию, и, пока она

разбирается с квитанциями, тетя Лиса жалуется, что звонили какие-то люди, просили перевести деньги за услуги по почте.

«Не вздумай ничего никуда слать! – Шура грозит пальцем. – Это мошенники. Если что такое предлагают, звони мне и спрашивай или жди, пока я приду. Разберемся». Перед уходом Шура проворачивает, вынесено ли у бабы Лиси помойки.

Следующий дом нас не встречают.

Шура принесла пенсию, и, пока она

разбирается с квитанциями, тетя Лиса жалуется, что звонили какие-то люди, просили перевести деньги за услуги по почте.

«Не вздумай ничего никуда слать! – Шура грозит пальцем. – Это мошенники. Если что такое предлагают, звони мне и спрашивай или жди, пока я приду. Разберемся». Перед уходом Шура проворачивает, вынесено ли у бабы Лиси помойки.

Следующий дом нас не встречают.

Шура принесла пенсию, и, пока она

разбирается с квитанциями, тетя Лиса жалуется, что звонили какие-то люди, просили перевести деньги за услуги по почте.

«Не вздумай ничего никуда слать! – Шура грозит пальцем. – Это мошенники. Если что такое предлагают, звони мне и спрашивай или жди, пока я приду. Разберемся». Перед уходом Шура проворачивает, вынесено ли у бабы Лиси помойки.

Следующий дом нас не встречают.

Шура принесла пенсию, и, пока она

разбирается с квитанциями, тетя Лиса жалуется, что звонили какие-то люди, просили перевести деньги за услуги по почте.

«Не вздумай ничего никуда слать! – Шура грозит пальцем. – Это мошенники. Если что такое предлагают, звони мне и спрашивай или жди, пока я приду. Разберемся». Перед уходом Шура проворачивает, вынесено ли у бабы Лиси помойки.

Следующий дом нас не встречают.

Шура принесла пенсию, и, пока она

разбирается с квитанциями, тетя Лиса жалуется, что звонили какие-то люди, просили перевести деньги за услуги по почте.

«Не вздумай ничего никуда